

УДК 94(571.1)«1918»

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-132-151

Вебер Михаил Игоревич

к.и.н., старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0001-7512-6087

E-mail: mikeveber@mail.ru

Несентиментальное путешествие: письмо А. И. Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б) о своей поездке в Сибирь летом 1918 г.

АННОТАЦИЯ. Публикуется письмо большевика Александра Игнатьевича Тарасова-Родионова, ставшего впоследствии известным советским писателем, высшему партийному руководству с описанием его путешествия из красного Петрограда в белую Тюмень и обратно через линию фронта в июле — августе 1918 г. Исключенный накануне поездки в Тюмень из партии, Тарасов-Родионов решил использовать свое путешествие как способ вернуть себе доверие партийного руководства, собрав и предоставив последнему ценные сведения о состоянии белого тыла. С этой целью во время своего путешествия он интересовался ходом боевых действий, политической и экономической обстановкой в занятых белыми местностях Поволжья, Урала и Западной Сибири. Источником полученных А. И. Тарасовым-Родионовым сведений послужили собственные наблюдения, материалы антибольшевистских газет и разговоры с попутчиками. Результат своих наблюдений по возвращении из поездки он изложил в подробном письме Петроградскому бюро ЦК РКП(б), написанном 27 августа 1918 г. Письмо А. И. Тарасова-Родионова — ценный исторический источник по начальному периоду Гражданской войны на Востоке России, содержащий любопытные сведения о белом терроре, о повседневной жизни в белом тылу, а также о тактике боевых действий на фронте, с риском для жизни собранные автором во время своего путешествия. Для визуализации маршрута путешествия А. И. Тарасова-Родионова была подготовлена карта-схема, публикуемая в приложении к статье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гражданская война, Восточный фронт, Урал, Сибирь, белый террор, травелог

UDC 94(571.1)«1918»

DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-3-132-151

Mikhail I. Weber

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-7512-6087

E-mail: mikeveber@mail.ru

An Unsentimental Journey: The Letter from A. I. Tarasov-Rodionov to Petrograd Bureau of Central Committee of RCP(B) about His Trip to Siberia in the Summer of 1918

ABSTRACT. The paper presents the letter from Bolshevik Alexander Ignatievich Tarasov-Rodionov, who later became a famous Soviet writer, to the top party leadership describing his journey from red Petrograd to white Tyumen and back across the front line in July — August 1918. Excluded from the party on the eve of his trip to Tyumen, Alexander Tarasov-Rodionov decided to use his trip as a way to regain the trust of party leadership by collecting and providing the latter with valuable information about the state of white rear. To this end, during his journey, he was interested in the course of hostilities, the political and economic situation in the white-occupied areas of the Volga region, the Urals and Western Siberia. The source of the information received by Tarasov-Rodionov was his own observations, materials from anti-Bolshevik newspapers and conversations with fellow travelers. The result of his observations on his return from the trip, he outlined in a detailed letter to the Petrograd Bureau of the Central Committee of the RCP(b), written on August 27, 1918. This letter is a valuable historical source on the initial period of the Civil War in the East of Russia, containing interesting information about the White terror, about everyday life in the White rear, as well as about the tactics of combat operations at the front, collected by the author at the risk of his life during his journey. To visualize the route of Tarasov-Rodionov's journey, a schematic map was prepared, published in the appendix to the paper.

KEYWORDS: Civil War, Eastern Front, Urals, Siberia, White terror, travelogue

Особое место среди травелогов занимают травелоги военного времени. К их числу относится и письмо А. И. Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б) от 27 августа 1918 г., в котором он подробно описывает свое путешествие из Петрограда в Тюмень и обратно через линию фронта по залитым кровью полям Гражданской войны.

Публикуемый документ был выявлен в фонде 71 «Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) (1931–1991)» Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и представляет собой машинописную копию, подготовленную сотрудниками Истпарта, вероятно, намеревавшимися использовать письмо Тарасова-Родионова в своей научной работе.

Автор травелога — Александр Игнатьевич Тарасов-Родионов — родился 25 сентября 1885 г. в семье казанского мещанина, землемера Игнатия Семеновича Тарасова-Родионова и дочери помещика Новгород-Северского уезда Черниговской губернии Любовь Павловны Жайворонко¹. В 1903 г. он окончил 1-ю Казанскую мужскую гимназию и в том же году поступил на юридический факультет Казанского университета. Студенческие годы Тарасова-Родионова пришлись на период революции 1905–1907 гг. — не удивительно, что он принял активное участие в революционном движении. Сам он впоследствии указывал, что был принят в РСДРП в январе 1905 г. Однако профессиональным революционером не стал, хотя и сохранил связи с партией после того, как революционное движение пошло на спад.

В 1908 г. Тарасов-Родионов закончил обучение в университете, но не был допущен к госэкзаменам из-за политической неблагонадежности и не смог получить диплом юриста. В том же году он женился и переехал в Омск. До 1913 г. Александр Игнатьевич работал коммивояжером фирмы, организующей промышленные выставки. Осенью 1913 г. он с семьей вернулся в Казань: получив, наконец, от полиции справку о политической благонадежности, был допущен к экзаменам и летом 1914 г. получил университетский диплом. Это открыло для него возможность юридической карьеры, и после небольших мытарств Тарасов-Родионов нашел подходящую вакансию в Барнаульском окружном суде.

Весной 1915 г. он был мобилизован и после короткого обучения в Казанском военном училище стал офицером военного времени, получив сперва чин прапорщика, а 1 сентября 1916 г. — подпоручика. В декабре 1916 г. А. И. Тарасов-Родионов был направлен обучаться пулеметному делу в Офицерскую стрелковую школу в г. Ораниенбауме, где его и застала Февральская революция.

Он принял самое активное участие в событиях как Февральской, так и Октябрьской революции в столице империи — Петрограде. Роковыми же для его судьбы оказались июльские дни 1917 г.: после провала попытки свержения Временного правительства А. И. Тарасов-Родионов, к тому времени член Военной организации при ЦК РСДРП(б), оказался за решеткой и в тюрьме дал слабину. Он написал в тюремной камере несколько покаянных писем, в т. ч. Д. Д. Данчичу — секретарю министра юстиции Временного правительства и П. И. Пальчинскому — товарищу министра торговли и промышленности Временного правительства, которых знал лично. В письме Пальчинскому Тарасов-Родионов, в частности, писал: «Но я виноват и глубоко виноват в том, что был большевиком. К стыду своему и позору я вижу теперь, что верил этому учению. Не подозревая, что это только ярко раскрашенная игрушка, которую дергают за ниточки кровавые руки нашего внешнего врага»². Письма эти никак ему не помогли: в сентябре 1917 г. Тарасов-Родионов был выпущен из тюрьмы под денежный залог вместе с другими арестованными большевиками, которые не писали покаянных писем, и смог принять участие в Октябрьской революции с оружием в руках. Более того, они даже не были использованы Временным правительством для дискредитации большевиков в печати. Однако с приходом к власти большевиков эти письма стали губительным компроматом, тяжелым якорем, всю дальнейшую жизнь тянувшим Тарасова-Родионова на дно.

В конце июня 1918 г. Тарасов-Родионов был вызван из Тюмени в Петроград для проведения партийного суда над ним. Писатель Н. М. Захарченко, автор биографической книги о Тарасове-Родионове, в своей работе выдвинул конспирологическую версию о том, что последний преднамеренно уехал

¹ Основным источником сведений о биографии А. И. Тарасова-Родионова послужила книга: Захарченко Н. М.: Александр Игнатьевич Тарасов-Родионов (страницы биографии). М., 2012.

² Цит. по: Захарченко Н. М. Указ соч.

в Тюмень накануне ее захвата белыми, чтобы оставить там свою семью и впоследствии получить повод поехать в тыл к белым, чтобы реабилитировать себя в глазах партии³. Однако никаких доказательств в обоснование этой версии Захарченко не привел. На мой взгляд, версия эта абсолютно фантазмагорична, не говоря уже о том, что она выставляет А. И. Тарасова-Родионова циничным негодяем, готовым рисковать жизнью и здоровьем членов своей семьи ради своих интересов. Семья Тарасовых-Родионовых приехала в Тюмень в середине мая 1918 г., за пару недель до начала мятежа Чехословацкого корпуса, — на тот момент Тюмень была глубоким тылом и никто не мог предсказать, что уже вскоре она станет прифронтовым городом.

Более того, и на момент отъезда Тарасова-Родионова на суд в Петроград Тюмень прочно удерживалась красными. Точную дату отъезда А. И. Тарасова-Родионова из Тюмени удалось установить благодаря мемуарам корнета С. В. Маркова — члена тайной петроградской монархической организации, созданной для организации побега Николая II и его семьи из ссылки, внедрившегося по ее заданию весной 1918 г. в Красную армию, где он был назначен командиром 1-го Тюменского уланского революционного эскадрона. Как вспоминал Марков, в купе поезда, следовавшего из Тюмени в Екатеринбург, «со мной оказался попутчик. Это был небольшого роста человек в штатском, брюнет с выразительными черными глазами, очень нервный, все время подергивающий свою козлиную бородку»⁴. По мнению Маркова, Тарасов-Родионов «оказался очень образованным человеком и интересным собеседником»⁵. Поезд с Марковым и Тарасовым-Родионовым отбыл из Тюмени в 4 часа дня 30 июня и прибыл в Екатеринбург к обеду следующего дня — 1 июля 1918 г., где их пути разминулись. В тот же день Марков, убедившись в бесперспективности попыток проникнуть в Ипатьевский дом, где содержались Романовы, пересел на поезд, следующий в Петроград, на котором и прибыл в город 7 июля 1918 г.⁶ Это позволяет предположить, что и Тарасов-Родионов, добравшийся из Екатеринбурга в тот же пункт назначения, что и Марков, но в другом поезде, прибыл туда не позже 8 июля 1918 г. 30 июня 1918 г., когда Тарасов-Родионов уехал из Тюмени, непосредственной угрозы захвата этого города белыми еще не было, поэтому он безбоязненно оставил там свою семью.

Что же на самом деле побудило Тарасова-Родионова переехать в Тюмень? Ответ на этот вопрос лежит на поверхности и не требует конспирологических теорий. Весной 1918 г. у Тарасова-Родионова появились признаки туберкулеза (той самой печально известной петербургской чахотки), что и вынудило его сменить место жительства, о чем он сам упомянул в одной из своих автобиографий. Биографу Тарасова-Родионова Н. М. Захарченко и петербургскому историку К. А. Тарасову переезд Александра Игнатьевича в Тюмень для выздоровления показался странным и неочевидным⁷. По моему мнению, в выборе Тарасовым-Родионовым Тюмени для поправки здоровья нет ничего удивительного: в Петрограде и его окрестностях начинался голод, а в Сибири не было дефицита продовольствия, в т. ч. молока, необходимого для питания грудного младенца, родившегося в семье Тарасовых-Родионовых как раз-таки в мае. Как известно, качественное питание необходимо и для больных туберкулезом. Улучшить питание А. И. Тарасову-Родионову могли рекомендовать врачи. Кроме того, не стоит забывать, что Тарасов-Родионов уехал из Петрограда в хорошо знакомые ему места: до начала Первой мировой войны он несколько лет прожил в соседнем с Тюменью Омске.

Разобрав дело А. И. Тарасова-Родионова, Петербургский комитет РКП(б) в конце июля 1918 г. исключил его из партии. Пока Тарасов-Родионов находился в Петрограде, ожидая решения партийного суда, Тюмень была взята белыми и его семья оказалась по ту сторону линии фронта. Александр Игнатьевич оказался в затруднительном положении: открыто вернуться в Тюмень под своим именем он не мог, но и оставлять семью в Тюмени было опасно, т. к. семьи видных партийных и советских работников жили в белом тылу под постоянной угрозой ареста. Путешествовать предстояло инкогнито.

Чтобы пересечь линию фронта и добраться до Тюмени, Тарасов-Родионов придумал себе легенду: он выдал себя за бежавшего из немецкого плена солдата 330-го Златоустовского пехотного

³ См.: Там же.

⁴ Марков С. В. Покинутая Царская семья. 1917–1918: Царское Село — Тобольск — Екатеринбург. Вена, 1928. С. 327.

⁵ Там же. С. 328.

⁶ Там же. С. 331.

⁷ Тарасов К. А. А. И. Тарасов-Родионов — фигурант «Царского дела»? // Императорская семья и ее окружение. 1917–1919. Сборник материалов научной конференции 13–14 сентября 2018 г. СПб., 2019. С. 91.

полка Николая Васильевича Яковлева, якобы возвращающегося к себе на родину — в Минусинск, и сумел получить в петроградском госпитале необходимые документы на чужое имя.

Путешествие из Петрограда в Тюмень и обратно через линию фронта заняло у Тарасова-Родионова около месяца: он выехал из Петрограда 27 июля 1918 г., а вернулся назад 24 августа 1918 г. Для визуализации маршрута его путешествия нами была подготовлена карта-схема (см. цв. вклейку, рис. 11).

От Петрограда до Перми Тарасов-Родионов доехал по железной дороге. От Перми до станции Билимбай ему пришлось идти пешком через линию фронта около 250 верст — это был самый сложный и опасный участок пути. На станцию Билимбай Александр Игнатьевич вышел 8 августа 1918 г. и оттуда доехал до Екатеринбурга поездом. Прямое железнодорожное сообщение между Екатеринбургом и Тюменью на тот момент было нарушено из-за подрыва мостов и разрушения путей в ходе боевых действий, поэтому в Екатеринбурге он 9 августа пересел на другой поезд и в тот же день доехал на нем до Челябинска, где снова сделал пересадку. От Челябинска до станции Куломзино под Омском Тарасов-Родионов снова ехал по железной дороге. В Куломзино он пересел на встречный поезд на другой линии железной дороги и наконец доехал до Тюмени 11 августа 1918 г., откуда в тот же день дошел пешком до деревни, в которой оставил свою семью перед отъездом в Петроград. Оказалось, что в его отсутствие она перебралась в Тюмень, и воссоединиться со своими близкими Александрю Игнатьевичу удалось только на следующий день — 12 августа 1918 г.

Долго оставаться в Тюмени было опасно, и уже 13 августа 1918 г. А. И. Тарасов-Родионов со своей семьей, которая включала в себя его жену Марию Александровну, троих детей и тещу, отправился в обратный путь. Для обратного путешествия ему понадобилась новая легенда: сумев раздобыть в Тюмени новый подложный паспорт, Тарасов-Родионов пустился в обратный путь под видом владельца кожевенного завода, возвращающегося домой в город Арзамас Нижегородской губернии. Из Тюмени Тарасовы-Родионовы поездом доехали до Омска, затем пересели на встречный поезд до Уфы. В Уфе семья пересела на другой поезд и доехала на нем до Самары, от Самары — до Сызрани, а от Сызрани — до станции Коптевка Сызранско-Вяземской железной дороги. Дальше до Пензы поезда не ходили из-за боевых действий, поэтому в Коптевке семья Тарасовых-Родионовых наняла лошадей и на них пересекла линию фронта, доехав до Кузнецка, где стояли уже красные. В Кузнецке они снова пересели на поезд и благополучно доехали через Москву до Петрограда 24 августа 1918 г.

Судя по всему, еще накануне поездки в Тюмень А. И. Тарасов-Родионов решил использовать свое путешествие как способ вернуть себе доверие партийного руководства, собрав и предоставив последнему ценные сведения о состоянии белого тыла. С этой целью во время своего путешествия он интересовался ходом боевых действий, политической и экономической обстановкой в занятых белыми городах и деревнях. Источником полученных им сведений послужили собственные наблюдения, материалы антибольшевистских газет и разговоры с попутчиками. Результат своих наблюдений он изложил в письме Петроградскому бюро ЦК РКП(б) от 27 августа 1918 г.

Чем интересен этот исторический источник?

Во-первых, данное письмо закрывает некоторые лакуны в биографии самого Тарасова-Родионова. В научной литературе и исторической публицистике Тарасова-Родионова иногда путают с комиссаром Родионовым, который по заданию Уралоблсовета перевез из Тобольска в Екатеринбург оставшуюся часть царской семьи. Эта путаница возникла, главным образом, потому, что колчаковский следователь по делу о расстреле царской семьи Н. А. Соколов не сумел установить личность комиссара Родионова, что и привело впоследствии к возникновению различных версий о том, кем был этот таинственный комиссар (для колчаковского следствия, пытавшегося увязать расстрел Николая II и членов его семьи с деятельностью внешнего врага — Германии, отсутствие точных сведений о биографии представителя Уралоблсовета было даже удобно, т. к. позволяло представить комиссара Родионова агентом германской разведки).

Почву для версии о том, что комиссаром Родионовым был А. И. Тарасов-Родионов, помимо очевидного созвучия их фамилий, подготовили воспоминания перебежавшего на Запад чекиста Ф. П. Другова, напечатанные в 1931 г. в популярной эмигрантской парижской газете «Иллюстрированная Россия»⁸. Другов якобы встретился с А. И. Тарасовым-Родионовым летом 1918 г. в купе поезда,

⁸ Другов Ф. П. С Дзержинским в ВЧК: исповедь раскаявшегося чекиста // Иллюстрированная Россия. 1931. № 10 (303). С. 10–11.

следовавшего из Тобольска в Екатеринбург, и узнал от него, что тот ездил в Тобольск для организации перевозки царской семьи в Екатеринбург. Однако свидетельство Другова доверия не вызывает — во-первых, на тот момент железная дорога между Тобольском и Екатеринбургом еще не была построена, а во-вторых, Другов пишет о том, что прибыл в Тобольск и встретился затем в поезде с А. И. Тарасовым-Родионовым после падения советской власти в Томске. Как известно, город Томск был занят белыми 31 мая 1918 г., а оставшихся членов царской семьи привезли в Екатеринбург из Тобольска еще 23 мая 1918 г. Как представляется, нуждавшийся в деньгах Другов просто решил подзаработать на популярной в среде русской эмиграции теме, выгодно продав сенсационный материал газете «Иллюстрированная Россия». А сам сюжет со случайной встречей с Тарасовым-Родионовым в поезде он предположительно взял из вышедшей на три года ранее книги воспоминаний корнета С. В. Маркова⁹, добавив отсутствовавшие в рассказе Маркова детали про якобы имевшееся у Тарасова-Родионова поручение перевезти царскую семью из Тобольска в Екатеринбург.

Из числа профессиональных исследователей первым версию о том, что комиссар Родионов — это А. И. Тарасов-Родионов, выдвинул в своей монографии о судьбе императора Николая II после отречения от престола, вышедшей первым изданием в 1951 г., известный эмигрантский историк С. П. Мельгунов¹⁰. В современной российской историографии в защиту этой версии высказался, хотя и с оговорками, петербургский историк К. А. Тарасов¹¹. В конце своей статьи, посвященной этому вопросу, К. А. Тарасов признал, что приведенных им свидетельств недостаточно, чтобы однозначно идентифицировать А. И. Тарасова-Родионова как комиссара Родионова, но посчитал эту версию вполне рабочей, хотя и нуждающейся в дополнительной проверке¹². Для проверки, по мнению К. А. Тарасова, необходимо: 1) найти свидетельства о пребывании Тарасова-Родионова на Урале в мае — июле 1918 г. и 2) понять, как именно были использованы 5000 рублей, выделенных Тарасову-Родионову членом Реввоенсовета Западного фронта Р. И. Берзиным по просьбе И. В. Сталина.

Ответом на первый пункт служит публикуемое письмо А. И. Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б). Оно вполне убедительно показывает, что Тарасов-Родионов никак не был связан с Уралоблсоветом (в своем письме он даже коверкает фамилию комиссара Ф. И. Голощекина, который был широко известен в Екатеринбурге) и не имел никакого отношения к гибели царской семьи. Во время перевозки второй части царской семьи из Тобольска в Екатеринбург во второй половине мая 1918 г. А. И. Тарасов-Родионов вместе со своей семьей находился в Тюмени и ждал рождения ребенка.

Что касается второго пункта, то очевидно, что он вообще не имеет отношения к судьбе царской семьи. Записка Сталина неверно датирована публикатором — журналистом С. В. Ильичевой (либо дата на документе подделана Я. М. Свикке, у которого хранилась эта записка), события, о которых в ней идет речь, происходили в июле 1919-го, а не 1918 г. Согласно исследованию Н. М. Захарченко, именно летом 1919 г. А. И. Тарасов-Родионов некоторое время был личным секретарем И. В. Сталина, работавшего на тот момент членом Реввоенсовета Западного фронта¹³. Р. И. Берзин, которого Сталин в записке просит выдать 5000 рублей Тарасову-Родионову, также занимал должность члена Реввоенсовета Западного фронта в 1919-м, а не в 1918 г.

Так кто же тогда перевез Романовых в Екатеринбург? Комиссар Родионов (к слову, левый эсер, а не большевик, к тому же имевший чин штабс-капитана, а не поручика, как А. И. Тарасов-Родионов) был начальником отряда интернационалистов, на основе которого в Екатеринбурге формировался полк Красной армии. Эта воинская часть находилась в резерве и занималась охраной железных дорог. В середине июня 1918 г. Родионов во главе своего отряда был отправлен на подавление антибольшевистского Невьянского восстания и был убит в бою за железнодорожную станцию Верх-Нейвинск. Обстоятельства его гибели приведены в воспоминаниях бойца Ирбитского отряда Красной гвардии, влившегося в отряд Родионова, Е. М. Дрягилева: «С запада от Рудянки появился паровоз с угольным вагоном, приспособленным белыми для укрытия от огня. Беляки открывали

⁹ Марков С. В. Указ. соч. С. 327–328.

¹⁰ Мельгунов С. П. Судьба императора Николая II после отречения. Нью-Йорк, 1991. С. 294, 295.

¹¹ Тарасов К. А. Указ. соч. С. 86–96.

¹² Там же. С. 93, 94.

¹³ См.: Захарченко Н. М. Указ. соч.

по нам огонь. На сопке, что западнее станции в ½ км, находились наши пулеметы во главе с командиром отряда т. Родионовым, рассматривающим в бинокль появление паровоза. Предательская пуля из пулемета сразила насмерть героя Гражданской войны, славного, всеми уважаемого командира, его тело было доставлено на станцию и отправлено в Свердловск»¹⁴. Смерть комиссара Родионова не замалчивалась: о его похоронах в Екатеринбурге было сообщено в местной советской прессе. Кроме того, о гибели Родионова в бою с невяньскими повстанцами объявил председатель исполкома Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов С. Е. Чучкаев на заседании Совета 19 июня 1918 г.: «...во время сражений под Невьянском убит тов. Родионов и еще один человек и пятеро оказались ранеными»¹⁵. Таким образом, можно считать доказанным, что таинственный комиссар Родионов и писатель А. И. Тарасов-Родионов — это два разных человека.

Стоит отметить, что А. И. Тарасов-Родионов действительно пересекался с царской семьей: в начале марта 1917 г., вскоре после победы Февральской революции, он по поручению Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов вместе с другим офицером-революционером С. Д. Мстиславским ездил в Царское Село, чтобы проверить слухи о возможном увозе Николая II и его семьи за границу и, если потребуется, посадить бывшего царя в Петропавловскую крепость. К перевозке же Романовых из Тобольска в Екатеринбург и их расстрелу в июле 1918 г. он никакого отношения не имел.

Во-вторых, письмо Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б) представляет интерес для историков содержащимися в нем сведениями о белом терроре, о повседневной жизни в белом тылу, о тактике боевых действий на фронте, с риском для жизни собранных автором. Другими словами, это весьма информативный исторический источник по начальному периоду Гражданской войны на востоке России, который, несомненно, заслуживает введения в научный оборот.

Судя по всему, план А. И. Тарасова-Родионова сработал, и этим письмом ему удалось хотя бы частично вернуть себе доверие партийных лидеров. Это и неудивительно — на тот момент советская военная разведка только создавалась и не могла обеспечить высшее военно-политическое руководство необходимым объемом разведывательной информации. Так, в докладе от 19 февраля 1919 г. начальника 1-го отделения 1-го отдела Регистрационного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики капитана В. А. Срывалина о текущем состоянии и результатах работы советской агентурной военной разведки за 10 месяцев с момента ее создания с горечью констатировался провал попыток по созданию эффективных агентурных сетей во всех ключевых регионах (Прибалтике, Белоруссии, Украине), а в особенности — в Сибири: «Что же касается Сибири, то положение с этой областью еще безотраднее: дальность расстояния, невозможность наладить связь — не привлекали охотников пуститься в тайную разведку в Сибирь»¹⁶.

Осенью 1918 г. Тарасов-Родионов был командирован Петроградским бюро ЦК РКП(б) в Царицын — в 10-ю армию, которой командовал К. Е. Ворошилов. Там Александр Игнатьевич сформировал и возглавил армейский реввоен трибунал, а также разработал положение, регулирующее его работу. В конце 1918 г. вслед за Ворошиловым, назначенным наркомом внутренних дел УССР, Тарасов-Родионов уехал на Украину, где непродолжительное время возглавлял Всеукраинский Главный штаб, а затем последовательно занимал ответственные посты управляющего делами Народного комиссариата по военным делам УССР и управляющего делами Народного комиссариата советской пропаганды УССР.

В итоге в апреле 1919 г. А. И. Тарасов-Родионов был восстановлен в партии. (Однако груз обвинений в малодушии, проявленном им в июле 1917 г., продолжал висеть над ним дамокловым мечом всю оставшуюся жизнь, и в дальнейшем его еще дважды (в 1921 г. и 1936 г.) на этом основании исключали из партии — правда, оба раза восстанавливали).

В 1919 г. Тарасов-Родионов участвовал в боях с Родзянко и Юденичем, в 1920 г. — с поляками и Врангелем. Он, в частности, командовал Сводной Балтийской дивизией и 53-й стрелковой дивизией РККА, был помощником начальника оперативного управления штаба Западного фронта. Вершиной карьеры Тарасова-Родионова в РККА стало его назначение в сентябре 1920 г. начальником полевого штаба 2-й Конной армии¹⁷. В боях с врангелевцами в Крыму он был контужен. Последствия

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 200. Л. 25.

¹⁵ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 102. Л. 47.

¹⁶ Ганин А. В. Первый год советской военной разведки // Военно-исторический архив. 2011. № 1 (133). С. 182.

¹⁷ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы и материалы. М., 1997. С. 503.

контузии и другие проблемы со здоровьем вынудили его уволиться с военной службы в октябре 1921 г. Как удалось установить писателю Н. М. Захарченко, в 1930 г. за свои заслуги во время Гражданской войны Тарасов-Родионов был награжден орденом Красного знамени за № 10972¹⁸.

После неудачной попытки осенью 1921 г. устроиться на работу научным сотрудником в Истпарт, где главным препятствием вновь послужили покаянные письма, написанные в июле 1917 г., Тарасов-Родионов повторно был исключен из партии, но сумел получить назначение следователем по важнейшим делам Верховного трибунала при ВЦИК РСФСР.

В том же 1922 г. Александр Игнатьевич решил заняться литературной деятельностью: она принесла ему успех, и постепенно бывший красный комдив и следователь ревтрибунала стал профессиональным писателем. Пополнить ряды классиков ему не удалось, тем не менее А. И. Тарасов-Родионов вошел в историю советской литературы своей ранней повестью «Шоколад», опубликованной в декабре 1922 г., а также активным участием в советской литературной жизни 1920-х — 1930-х гг.: он входил в московское литературное объединение «Кузница», затем участвовал в создании литературной группы писателей-коммунистов «Октябрь» и Российской ассоциации пролетарских писателей, работал в редколлегии журнала «Октябрь» и редактором Издательского отдела Госиздата.

Личное близкое знакомство Тарасова-Родионова с И. В. Сталиным и К. Е. Ворошиловым не уберегло его от гибели во время «Большого террора»: 26 апреля 1938 г. Александр Игнатьевич был арестован и 3 сентября того же года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Помимо обвинений в связях с троцкистами, ему абсолютно бездоказательно вменили в вину подготовку покушения на В. И. Ленина летом 1917 г. Не исключено, что роковую роль в аресте и расстреле Тарасова-Родионова сыграл пресловутый квартирный вопрос: в 1934 г. он возглавил дачный кооператив «Советский писатель» в подмосковной деревне Переделкино и в этом качестве тесно общался и построил дачу для опального партийного лидера Л. Б. Каменева, в 1932–1934 гг. работавшего директором Литературного института имени Максима Горького (сейчас — Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН). В 1956 г. Тарасов-Родионов был полностью реабилитирован.

Документ публикуется в современной орфографии, но с сохранением стилистических особенностей автора. Для удобства читателей текст письма разбит на абзацы. Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в документе, восстановлены по смыслу и обозначены квадратными скобками — [...]. Отдельные явные опечатки исправлены без оговорок.

Публикуемые документы

№ 1

Письмо А. И. Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б) о своей поездке в Сибирь через линию фронта

г. Петроград

27 августа 1918 г.

Копия
В Бюро Центрального Комитета РКП (большевики)¹
Петроград, Литейный, 48¹¹

Дорогие товарищи.

Хотя я и исключен из партии постановлением партийного суда, утвержденным Петербургским комитетом [РКП(б)] 25-го или 26-го июля с[его] г[ода], но от этого я не перестал быть большевиком и считаю своим революционным и гражданским долгом информировать партию о положении

¹⁸ См.: Захарченко Н. М. Указ. соч.

¹ Петроградское бюро ЦК РКП(б) создано в начале марта 1918 г. в связи с переездом ЦК РКП(б) из Петрограда в Москву. В его состав входили члены ЦК Г. Е. Зиновьев, Н. Н. Крестинский, М. М. Лашевич, И. Т. Смилга, Е. Д. Стасова и кандидат в члены ЦК А. А. Иоффе.

¹¹ Петроградское бюро ЦК РКП(б) размещалось в Смольном, а по адресу: Литейный проспект, д. 48, размещался Северный областной комитет РКП(б), руководивший партийными организациями Северной области. Ему, вероятно, Тарасов-Родионов направил копию своего письма в Петроградское бюро ЦК.

в провинции, как делал это и раньше. Елена Дмитриевна^{III} знает, я был привезен в Петроград и здесь исключен из партии и брошен на произвол судьбы без документов, без денег, оторванный от семьи, которая осталась в Тюмени, конечно, я тотчас же отправился в Тюмень, чтобы спасти семью из-под чехословацкой банды.

Я явился на Варшавский вокзал в Петрограде в грязной солдатской заношенной форме, назвался бежавшим из немецкого плена солдатом 330[-го] Златоустовского [пехотного] полка Николаем Васильевичем Яковлевым, сочинил мифическую историю о бегстве из плена и был подобно другим, действительно бежавшим из плена, отправлен в городской госпиталь на Церковной улице, д. 29, где пролежал, был на врачебной комиссии и был эвакуирован на родину, которую я назвал Минусинск. Это был единственный способ нелегально пробраться в Сибирь. 27-го июля я выехал с вновь полученными документами по Северной железной дороге и вместе с инвалидами доехал до Перми. Дальше поезда не ходили.

Необходимо отметить, что нами почти совершенно не ведется в Питере никакой агитации среди военнопленных, возвращающихся на родину, и поэтому в госпиталях реакционно настроенный (в большинстве случаев) медицинский персонал (фельдшера, сестры, прислужники) своеобразно обрабатывают военнопленную массу. Между тем возвращающиеся из плена проходят через Петроградские госпитали десятками тысяч. Если бы на Варшавском вокзале и по госпиталям раздавались ежедневно или через день хотя бы брошюры Ив[ана] Ульянова^{IV} «Что случилось в России»^V — то это дало бы сильный агитаторский материал для деревни.

Далее, железнодорожному управлению следует обратить внимание, какие «инвалиды» катаются в тех инвалидных вагонах, которые прицепляются почти к каждому из уходящих из Питера поездов. По большей части, это человек 5–6 (на вагон) с искусственной ногой или рукой или другим физическим признаком инвалидности, затем человек 10 совершенно здоровых, но с инвалидными документами, и человек 30–40 совершенно здоровых мужчин и женщин в качестве «сопровождающих» этих «инвалидов». Но на самом деле все это одна сплошная организованная шайка спекулянтов, которые едут в провинцию с мешками за хлебом и сахаром и всю дорогу напролет играют в азартные игры, где ставки меньше 100 рублей не бывают. У каждого из этих инвалидов по несколько тысяч, а то и десятков тысяч рублей. Спекуляция их профессия. Я видел этих «инвалидов» по дороге туда, а возвращаясь обратно, видел таких же «инвалидов», везущих пуды сахара и муки. Документы об инвалидности и отдельный «инвалидный» вагон спасают их от проверки и реквизиций.

Итак, я доехал железной дорогой до Перми. Дальше поезда не ходили, и мне оставалось, подобно другим военнопленным, тысячами пробирающимся на родину в Сибирь, — пробираться на Екатеринбург пешком. Я шел пешком 250 верст, где трактом, где — обходя его, боясь задержек (совершенно не нужных и вредных) со стороны Красной армии, вместе с другими идущими из плена.

Надо заметить, что военнопленные наши мало разбираются в политической обстановке и придерживаются нейтральной линии: ни туда — ни сюда. Но там, где их по дороге задерживают или ворочают назад красноармейцы, они становятся во враждебное отношение к советской власти. К счастью, подобные задержки бывают как исключение. Вообще же, и Красная армия, и белогвардейские банды держатся к военнопленным как к нейтральным. В некоторых же местах Красная армия кормит проходящих военнопленных обедами, дает подводы для слабосильных и больных. Подобное участие раскрывает сердца и делает военнопленных сторонниками советской власти, и бывали случаи, что многие военнопленные по дороге вступали в ряды Красной армии. Но в стане врагов аналогичных явлений не бывает, так как к военнопленным там относятся подозрительно. Чехи и белогвардейцы боятся, что под видом военнопленных к ним проникают наши военные разведчики.

^{III} Имеется в виду Елена Дмитриевна Стасова (1873–1966), секретарь Петроградского бюро ЦК РКП(б).

^{IV} Имеется в виду Иван Иванович Ульянов (1884–1946), член РСДРП с 1907 г. В 1918 г. — член ВЦИК, председатель Бюро пленных при ВЦИК, член Центральной коллегии по делам пленных и беженцев.

^V Имеется в виду ориентированная на возвращающихся из Германии и Австро-Венгрии русских военнопленных пропагандистская советская брошюра: Ульянов Ив. Что случилось в России? (Три момента революции). М., 1918.

Я шел пешком из Перми по тракту почти до Кунгура, а затем свернул на Степаново^{VI}, Орду^{VII}, Шляпники^{VIII}, Озерки^{IX}, Янчиково^X и снова вышел на Сибирский тракт в Больших Ключах^{XI}. Это село, а также следующие за ними Быково^{XII} и Ачит^{XIII}, были заняты нашими красноармейскими отрядами, отступившими от Красноуфимска и прикрывающими шоссе на дорогу из Екатеринбурга (занятого в то время чехами) на Кунгур — Пермь. Это был юг Кунгурского и север Красноуфимского уезда. Самые хлебные места Пермской губернии. Урожай небывалый. Хлеб роскошный. Крестьяне богатые, с кулацкой психологией. Толки о предстоящей и полной реквизиции хлеба Красной армией, о предстоящей поголовной мобилизации и вообще всяческие страхи, искусственно подогреваемые в крестьянах местными кулаками и попами и проезжими эсеровскими и кадетскими агитаторами, которыми кишит наша прифронтовая полоса, делали свое дело. А недостойное поведение некоторых красноармейских отрядов, которые вследствие неосознанности и распущенности пробовали заниматься в селах открытым массовым грабежом, — только подливали масло в огонь.

Кулаки и богачи покупали железо, нанимали кузнецов ковать штыки, прикрепляли их к палкам, добывали несколько берданок и винтовок и снабжали всем этим одураченных и напуганных односельчан. Попы, учителя и беглые офицеры становились во главе контрреволюционного движения. Поднимались бунты, рылись окопы. Цель — уничтожить и не пускать красноармейцев. Но неорганизованные и действующие безо всякого плана и согласованности, эти кулацкие по своей психологии — общекрестьянские по своему составу бунты и восстания — подавляются и подавлялись Красной армией повсюду без труда. Зачинщики и кулаки обычно удирают, бросив дом и семью на произвол судьбы, а остальное население складывает покорно оружие и, если репрессии за восстание чересчур суровы (расстрелы попавшихся зачинщиков, денежная или хлебная контрибуция) — терпеливо ждут чехословаков и казаков. Зачинщики же и кулаки удирают в стан белой гвардии и составляют ее авангард. Так, например, большое и богатое село Ачит в 20 верстах от Красноуфимска и в 80 верстах от Кунгура, занятое Красной армией, почти было поголовно брошено жителями, бежавшими за 22 версты в Бисертское^{XIV} село, где были уже казаки.

Надо обратить внимание наших военных горе-тактиков и горе-стратегов на своеобразную картину нашего фронта. Кроме патруля в 8 человек на околице Ачита и 3–5 пар конных разведчиков, иногда¹⁾ бродящих по дорогам, — никакого другого сторожевого охранения у нас нет. Это было и будет причиной наших военных неудач. Противник безбоязненно обходит нас где угодно, когда угодно и как угодно. Нападают на отряды почти всегда с тыла и флангов и уничтожают беспощадно беспечные красноармейские отряды. Это делает отсутствие у нас сторожевого охранения — элементарной необходимости каждого военного шага. А отсутствие и полнейшее вдобавок отсутствие всякой связи между частями и отрядами (другой азбучной элементарной истины военного дела) — дает возможность противнику уничтожать наши отряды по частям.

Таким образом, наши отряды в 1000 человек каждый, расположенные в трех селах по большой дороге на расстоянии 15–18 верст каждое друг от друга, были легко уничтожены белогвардейским отрядом в 700 человек. Их операция[ми] руководит реакционное офицерство, в массе сбежавшее сюда со всех концов России. Они делают так. Во-первых, им ровно ничего не стоит точно узнать наши силы и расположение. Любый крестьянин охотно даст эти сведения, а отсутствие элементарного охранения и отсутствие сплошной линии фронта дает возможность забраться их офицерам к нам и в тыл, и на фланге, и прямо в село, где стоит отряд.

^{VI} Степаново — в 1918 г. село Осинского уезда Пермской губернии. Ныне — село Ленск Кунгурского района Пермского края.

^{VII} Орда — в 1918 г. село Осинского уезда Пермской губернии. Ныне — село Ординского района Пермского края.

^{VIII} Шляпники — в 1918 г. село Осинского уезда Пермской губернии. Ныне — село Ординского района Пермского края.

^{IX} Озерки — в 1918 г. деревня Шляпниковской волости Осинского уезда Пермской губернии. Ныне не существует.

^X Янчики — в 1918 г. деревня Шляпниковской волости Осинского уезда Пермской губернии. Ныне не существует.

^{XI} Большие Ключи (Златоустовское) — в 1918 г. село Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — село Суксунского района Пермского края.

^{XII} Быково — в 1918 г. село Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — село Ачитского района Свердловской области.

^{XIII} Ачит — в 1918 г. село Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — поселок городского типа, административный центр одноименного района Свердловской области.

^{XIV} Бисертское — в 1918 г. село Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — село Афанасьевское Ачитского района Свердловской области.

Затем делается так. Белогвардейский отряд разбивается на четыре части. Человек сто с пулеметами стоят на фронте, заняв удобную для обороны и трудную для нападения позицию, и укрепив ее, отряды человек по 200, вооруженные только винтовками, обходят наш отряд с обеих сторон и нападают из флангов, а 200 человек конницы заезжают в тыл. Часть остается в засаде, режет телефонные и телеграфные провода и перехватывает конных посыльных, а часть нападает стремительно на наш отряд с тыла. Это делается или ночью, или под утро, когда наши спят.

Одновременно поджоги двух-трех домов, перекрестный огонь противника и одновременное нападение с флангов, а главным образом с тыла, создает ужасную панику. И без того слабо дисциплинированный отряд в 1000 человек разбегается, причем более 800 уничтожаются беспощадно. Расстреливаются, прикалываются. Уничтожают не только белогвардейцы, казаки и чехи, но и сами крестьяне, которые делают это из мародерства, так как знают, что у каждого красноармейца при себе есть деньги. В большинстве случаев это скопленное жалованье, а иногда и награбленные деньги. Покончив с одним отрядом, тот же самый неприятельский отряд, не теряя времени, уничтожает один за другим и следующие наши отряды.

Иногда обстановка местности (болотистая или гористая местность с наших флангов) или отсутствие удобной оборонительной позиции впереди нас для противника заставляет его прибегать к способу № 2. Тогда он не посылает отряды к нам на фланги и в тыл, а создает удобную обстановку у себя на месте. Он выбирает удобное для нашего расстрела и уничтожения место и кругом него группирует, подобно плану № 1, свои силы. Теперь только остается заманить нас в этот мешок. Тогда он делает с фронта притворное нападение и отступает, завлекая нас в ловушку в готовый уже мешок. Так это было под Тюменью, где наши на станции... (название забыл, но это первая станция от Тюмени по направлению к Омску)^{xv} занимали укрепленные оборонительные позиции, которые он обошел, а нас из них выманил. Иногда же и этого не нужно, это когда мы сами наступаем. Так случилось в первых числах августа, когда наш отряд был допущен ими в мешок в четырех верстах от Екатеринбурга, ввиду самого города. Нашим казалось, что вот-вот уже мы берем Екатеринбург обратно. Враг притворно отступил перед нашим натиском.

Казалось бы, что нашим военным руководителям давно следовало понять и раскусить эти детские эксперименты над собою, которые учиняет над ними противник. Однако и теперь, в конце августа, когда я перебирался через фронт обратно через день после отступления из села Новоспасского^{xvi} (между Сызранью и Кузнецком), я изучил причины нашей неудачи и увидел старую, набившую оскомину картину. Я сообщил об этом комиссару Пензенской [пехотной] дивизии [1-й армии] товарищу [А.] Зиновьеву в Кузнецке, но он беспомощно развел руками.

Итак, отсутствие даже намеков на сторожевое охранение, разведку и связь — эти три азбучных кита каждой мало-мальски военной операции — причины наших неудач. А эти три кита отсутствуют ввиду того, что мало дисциплинированные и деморализовавшиеся от вагонных стоянок отряды весьма неохотно будут исполнять эти три азбучных необходимости ввиду их сравнительной тяготы и обременительности, а во-вторых, начальники наших отрядов мало смыслят вообще в тактике, не говоря уже о стратегии. Так, по крайней мере, было до сих пор. Но буду продолжать свое изложение по порядку.

Из Ачита нам, военнопленным, Красная армия дала пропуски лишь до Ялыма^{xvii}. В Ялыме стояла уж[e] белая гвардия. Вернее, ее авангард. Исключительно вооруженные местные крестьяне. Дальнейшее движение было возможно только с помощью пропусков, которые белогвардейцы выдавали от села до села, но никак не дальше. Связь, разведка и сторожевая служба у противника налажена несравненно лучше, хотя все же хромает, но от нашей халатности мероприятия

^{xv} Имеется в виду станция Богандинская Омской железной дороги (ныне — станция Свердловской железной дороги). 18 июля 1918 г. белые окружили и уничтожили здесь красногвардейский отряд из рабочих Надеждинского завода и матросов Балтийского флота под командованием матроса С. С. Заславского: из 300 бойцов вышло из окружения всего 6 человек, включая самого Заславского. (См.: Роцевский П. И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 67).

^{xvi} Новоспасское — в 1918 г. село Сызранского уезда Симбирской губернии. Ныне — административный центр Новоспасского района Ульяновской области.

^{xvii} Ялым — в 1918 г. деревня Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — деревня Ачитского района Свердловской области.

врага отличаются, как небо от земли. Причины: строгая дисциплина, служебная субординация и ответственность и обилие (даже чересчур) командного состава. В Ялыме стоял белогвардейский авангард (созданный при помощи кулаков и офицеров из крестьян, местных и бежавших из-под Красной армии). В следующем селе, Бисертском, [в]стали 4 сотни приуральских казаков. Это те части, которые Екатеринбург дал по просьбе местных восставших кулаков. Остальные просьбы о подкреплении остаются беспощадными. Человеческих сил — людского состава — у нашего противника мало, и он очень экономит.

Идя дальше с Бисерти через Кленовое^{xviii}, Кыштым^{xix} и Гротово^{xx}, я вышел на станцию Дружи[ни]но^{xxi} Западно-Уральской железной дороги (от Кузино на Бердяш). По дороге никаких других войск белой гвардии не встречал. Во всех селах и на станциях — коменданты русские прапорщики. Отношение к нам, военнопленным, самое подозрительное, неоднократные тщательные обыски. Мои документы были все в порядке, но несколько интеллигентский вид портил все дело, хотя по документам я по профессии числился конторщиком. Я сильно рисковал своей головой. И если бы красноармейцы расстреляли бы меня, согласно приказу, как пробирающегося в Сибирь через фронт, если б, конечно, кто-нибудь узнал меня в лицо, то в стане белой гвардии опасность быть расстрелянным была больше. Во-первых, здесь большая подозрительность, во-вторых, достаточно малейшего сомнения, чтобы быть расстрелянным. Около Ялыма я видел могилу с тремя фуражками на ней расстрелянных белогвардейцами наших военнопленных только из подозрения, что они шпионы. Несчастные так и не добрались из плена до родины. Подобные расстрелы не единичны. Подозрительность в стане врагов наших доведена до крайности. Крестьяне шпионят друг за дружкой, провоцируют друг друга и друг друга бьют. Бьют жестоко и кроваво.

Мне удалось услышать рассказ в селе Бисертском, как крестьяне тамошние или, вернее, тамошние кулаки расправились с местными советскими работниками, которых удалось им схватить. Главную ненависть они питают к бывшему волостному писарю, человеку грамотному, толковому. Очевидно, это был один из тысячи незаметных для нас героев — советских работников, идейных и честных. Он считался кулаками главным местным врагом и главным советским воротилой. Местный Совет посадил кулаков под стражу. Белогвардейцы их освободили и, в свою очередь, арестовали Совет. Сочинили даже, чтобы подогреть темноту, бумажку о том, что арестованные де Советом кулаки через неделю должны [были] быть расстреляны. С подобными провокационными сочинениями мне затем часто пришлось встречаться в Сибири. Очевидно, это один из трафаретных приемов не брезгующей средствами контрразведки. Арестованные советские работники были тотчас же убиты. Убиты зверски-кроваво. Злополучный бывший волостной писарь, а теперь товарищ председателя Бисертского волостного Совдепа, был убит первым. Мало того, были приведены тут же и убиты его жена и дети: мальчики 12 и 7 лет и девочка 9 лет. Им размозжили головы. Затем был убит председатель Совдепа и все его члены семьи, их^{xxii} были ограблены и избиты, но жизнь была пощажена и заменена изгнанием из пределов волости и уезда. Так расправляются кулаки с беднотой.

На станции Дружи[ни]но, спаленной при отступлении красноармейцами, стоит небольшой отряд чехов (человек 20) и казаков. Около станции Дружи[ни]но густой трупный запах. Это периодическая братская могила красноармейцев и деревенской бедноты. Периодическая потому, что она ежедневно пополняется все новыми и новыми жертвами, приводимыми из окрестных сел и деревень по наговорам и подозрениям. Сюда везут для расследования. Ну, а здесь возиться и расследовать некому, и вот шагах в 500 от бывшего здания станции Дружи[ни]но, в сосновом перелеске, полном земляники, там, где сворачивает маленькая железнодорожная ветка на Бисерский

^{xviii} Кленовое — в 1918 г. село Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ныне — село Кленовское Нижнесергинского района Свердловской области.

^{xix} Вероятно, ошибка памяти автора или опечатка машинистки, снимавшей копию с его письма. Судя по всему, имеется в виду село Киргишаны Красноуфимского уезда Пермской губернии (ныне — село Нижнесергинского района Свердловской области), а не поселок Кыштым Екатеринбургского уезда Пермской губернии (ныне — город Челябинской области).

^{xx} Гротово — в 1918 г. село Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Ныне — село Первомайское Нижнесергинского района Свердловской области.

^{xxi} Дружинино — в 1918 г. станция Западно-Уральской железной дороги. Ныне — станция Свердловской железной дороги.

^{xxii} Так в документе. Из контекста не ясно, идет ли речь о членах семьи председателя Совета депутатов или же машинистка, печатавшая копию, пропустила строку письма.

завод^{xxiii} (не смешивать с селом Бисертским), высится длинный глиняно-песчаный холм братской могилы, из которого торчат полы шинелей и почерневшие от разложения кисти человеческих рук. Здесь лежит около полутора тысяч безымянных героев, расстрелянных капиталистическими наймитами, и около десятка-двух — расстреливается ежедневно дополнительно. Так производится расследование в стане контрреволюции.

Тут же, на станции, уделывают поломанные и захваченные у нас аэропланы, а в 2 верстах от станции в селе Гробоно находится белогвардейский аэродром. Их аэропланы вечерами реют над станцией. Отсюда идут поезда на Кузино и на Бердяуш раз в сутки по одному. Но, желая избежать проволоочки времени и пересадки в Кузино, я пошел пешком еще 22 версты и вышел на станции Билимбай. Это в 50 верстах от Екатеринбурга по дороге туда от Кунгура. Тогда (8-го августа) здесь проходили поезда с Кузино и обратно.

В Екатеринбурге вся власть у чехословаков. По городу и на станции их караулы и патрули. Их офицеры везде комендантами. Они выдают пропуска. Их эшелоны стоят по станциям. Вместо бело-зеленого сибирского флага и таких же значков, которые я видел по дороге от Бисертского села до Билимбае, — здесь бело-красные флаги и ленточки: национальные чешские знамена и цвета. Настроение в Екатеринбурге торжественно-реакционное. Рабочие окраины словно вымерли. Пусто, безлюдно. Настроение подавленное, боязливо озирающиеся взгляды. Замкнутость. Зато в центре звон колоколов. Позолоченные крестные ходы — попов, разодетых барынь, старух и хорошо одетых господ. Здесь же дефилируют на парадах герои дня — чехи. Газеты захлебываются от бешеной пены ненависти против Советов и большевиков. Каких только легенд здесь не печатают. И никто так не изощрается в наглой клевете и ненависти, как эсеры и меньшевики. А обыватель? Обыватель с удовольствием читает газеты, смакует ненависть против большевиков, но начинает уже вздыхать и по большевикам. Причины. Все товары подорожали, а домохозяева одни набавили на квартиры вдвое, а другие... просто выселяют с квартир без всяких разговоров.

На Тюмень из Екатеринбурга поезда не ходят. Ходят лишь до Богдановичей только военные. А от Тюмени к Екатеринбургу — только до Поклевской. Дело оказывается в том, что в направлении Камышлов — Егоршино имеются солидные советские отряды, которые упорно бьются и пробиваются, окруженные со всех сторон. Против них чехословаками и белой гвардией были двинуты большие силы, но их пришлось вернуть с полпути. Наши наступали на Екатеринбург, о чем я описал выше, и нужно было отбиваться.

Помимо этого Камышловско-Егоршинского фронта, есть фронт и у Ирбита, и империалистам приходится кидать сюда силы, хотя главные силы у них направлены на Кунгур — Пермь с Екатеринбурга и от Красноуфимска [и должны по]вернуть на линию Вятка — Вологда на соединение с Архангельским десантом. Это цель их военных операций. Для этого они сейчас кинули много сил в направлении от Уфы на Пермь (главным образом казачьи отряды) и на Казань — Уржум — Вятка, чтобы отрезать наши силы в Перми и Кунгуре с тыла. Везде один неизменный тактический трафарет по плану № 1 и в мелочах, и в полной картине. Направление Сызрань — Пенза — Самара — Симбирск являются второстепенными и лишь маскируют направление вышеуказанных главным образом ударов, защищая их тыл. Энергичный и решительный удар на Сызрань — Самару, во-первых, и Екатеринбург, во-вторых, с параллельным движением на Бердяуш — с Кузино и блокада Казани со стороны Волги и Камы сразу разбили бы всю стратегию белой гвардии.

Надо добавить, что в Сибири масса их сил занята походом на Читу и Забайкалье, где до сих пор еще советская власть, и белогвардейцы дальше Танхоя не подвинулись. Таким образом, свободного пути до Владивостока, о чем они мечтают, у них еще нет. Американской и японской помощи еще нет, и нам надо спешить. В Казани им досталось, судя по их газетам, громадная военная добыча и полмиллиарда по номинальной цене золота. Казань необходимо немедленно блокировать и окружить, обрезав кругом. Для этого нужно вдвое меньше сил, чем брать ее в лоб. Кроме всех направлений, белогвардейцы имеют фронт за Бийском — Алтайский и за Семипалатинском — Семиреченский, а на Лене, за Киренском, — Ленский. Но все эти направления второстепенны и на них они мало тратят сил.

^{xxiii} Ныне поселок Бисер Горнозаводского района Пермского края.

Спрашивается, сколько у противника сил? Чехословацких дисциплинированных войск, вооруженных и годных к бою, не более 45–50 тысяч. Из них громадная часть разбросана эшелонами по большим станциям железных дорог и большим городам, где несут охрану и караульную службу, а главным образом являются реальной опорой новой власти, которая без них еле держится. Я думаю, что непосредственно для боевых операций чехословаки не имеют более 20–30 тысяч — на все фронты. Хотя эта цифра мною не проверена и вычислена примерно, но я думаю, что в действительности она еще меньше. К этому количеству чехословаков надо прибавить несколько эшелонов поляков (они формируются в Челябинске и Омске) и сербов. Кроме того, предположена организация военнопленных итальянцев и румын. Но этих сил еще пока нет.

Затем идут казаки. Сколько их — учесть трудно. Они вместе с бандами беглых офицеров, стадами бегущих теперь через Дон в Сибирь с Украины, составляют главные силы Дутова^{xxiv} на Стерлитамакском и Верхнеуральском фронтах. Кроме того, казаки же наступают от Уфы на север через Красноуфимск на Кунгур и от Бугуруслана или Белебея на север на Сарапул и Пермь. По всей вероятности, казаки же отправлены из Казани на Уржум — Котельнич. Казацкие силы не должны быть очень велики, так как единодушия у них нет, и в Челябинске до сего времени сидят в тюрьме 200 казаков, не пожелавших идти против Советов. А по Иртышу очень немногие станицы сделали набор. Большая часть станиц держит «вооруженный нейтралитет», и пока их не трогают. Мобилизация казаков не удалась. Казацкие банды составлены только главным образом из Оренбургских и Приуральских казаков (Челябинского округа: Миасс и т. п.), да и в этих местах молодежь, бывшая на фронте, настроена по-большевистски и враждует со стариками.

Кроме этих регулярных войск — теперь создается так называемая «Народная армия». Прежде всего, на добровольческих началах. Сюда идут детки средней буржуазии и мещанство. Учащаяся молодежь, юнкера, прапорщики — вот ядро этой армии. Некоторые темные элементы дают сюда небольшой процент волонтеров — вот и весь добровольческий элемент — этих сил очень и очень немного. Но сильную помощь оказывают здесь враждебно настроенные [к] нам крестьяне (которые, как я описал выше, являются партизанами-добровольцами на местах, неся сторожевую, караульную и разведочную службу и обслуживая связь). Это сильно экономит силы регулярных армий.

Что же касается до мобилизации населения, то таковая еще не проводилась. В Сибири крестьянство буржуазно, но буржуазия и не хочет воевать, раз его хата с краю. Что касается до Уфимской и Самарской губерний, то там мобилизацию пришлось отменить. Население слишком идет охотно получить оружие. Причина: возврат помещичьих земель (кое-где) и толки об этом — повсюду. Рабочих вооружать совершенно нельзя. В Новониколаевске они бастуют, в Челябинске бастуют печатники, в Тюмени рабочие тайно вооружаются, причины — увеличения рабочего дня. На некоторых производствах, особенно на железных дорогах, работают уже по 12 [часов] в сутки; уменьшение окладов и организованный локаут со стороны заводчиков и хозяев, [в]ставших в Сибири у власти.

Еще кое-как сносно рабочим в Самаре. Там существует пока что оборонческий Совет и ширма Учредилки. В Сибири этого нет. Там властвуют кадеты. Учредилка признана неправильной, несвоевременной и вредной. Печать правых эсеров и меньшевиков закрывается и преследуется законом. Вновь собранная Областная Сибирская дума добавляется обильным соусом из представителей торгово-промышленного класса. Получается нечто вроде Предпарламента Авксентьевского приготовления. Никаких «свобод» в Сибири и в помине нет. Всякие собрания запрещены по всем линиям железных дорог и в 10-верстной полосе, что означает включение сюда всех населенных в Сибири мест и городов. Шпионаж и слежка, доносы и наговоры в ходу по всей Сибири.

Царит белый террор. Одного намека на причастность или даже сочувствие к советской работе достаточно для заключения в тюрьму. Тюремны переполнены во всех городах. Расстрелы царят повсюду. Первоначально расстреливают всех захваченных, под конец же начинают уже квалифицировать (вновь захваченных и приводимых) и расстреливают только советских выборных работников и красноармейцев. Подобную расправу санкционировало и Омское правительство. Расстреливают по ночам ежедневно, выводя за город. Это повсеместно. Классификацией противников и квалификацией ведают специальные повсюду изданные следственные комиссии, которые приговоров

^{xxiv} Имеется в виду Александр Ильич Дутов (1879–1921), атаман Оренбургского казачьего войска.

не выносят, но дают заключения о виновниках. Эти комиссии состоят под председательством кровожадных полковников, а работают в них кадеты, меньшевики и эсеры. Особенно много последних.

Рабочие начинают уже организовываться. На заборах появляются нелегальные прокламации, [которые] печатаются на гектографе от подпольных большевистских организаций. Не так давно [белым] удалось найти подобную партийную ячейку в Челябинске, кажется, на мельнице Петровского^{xxv}. Было арестовано трое рабочих, а при них гектограф и прокламации. Мне пришлось ехать из Екатеринбурга на Тюмень через Челябинск — Омск, и должен констатировать, что в Челябинске уже нет гражданского мира. Кучка крупной буржуазии у власти и вершит по-своему, а рабочие и даже мещански настроенный обыватель уже с нетерпением ждут большевиков. Причины: вздорожание квартир, кабала хозяев, увеличение трудового дня, уменьшение платы, отсутствие фабрикатов Европейской России.

От Екатеринбурга до Челябинска нам, военнопленным, пришлось случайно ехать в составе чехословацкого эшелона, направлявшегося из Екатеринбурга в Уфу (9-го августа). Я разговорился с чехами. Они чувствуют себя героями дня и избалованы тем цацканьем, которым их окружает воспрянувшая духом буржуазия. Тон чехов надменный, самоуверенный. Все они нагло обмануты. Они убеждены, например, что они защищают завоевания революции от «продавшихся немецким империалистам большевиков». У них нет ни капли сомнения, что «Троцкий^{xxvi} их продал Мирбаху^{xxvii}» и что Красная армия состоит исключительно из немцев и мадяров, которых Вильгельм^{xxviii} шлет большевикам на помощь. Подобный вздор они говорили мне так искренно и уверенно и так часто называли себя социал-демократами, что мне стало досадно за отсутствие нашей агитации в их среде. Очевидно, че[ш]ские газеты, нами издаваемые, вроде «_____»^{xxix}, который я видел потом в Пензе, — к ним не доходят. Да что об этом говорить. Наши русские советские газеты совершенно не доходят к ним на фронт. Вятка, Пермь, не говоря уже о прифронтовой местности Урала и Красной армии, там стоящей, совершенно не имеют никаких газет, никакой информации из центра России, кроме разных вздорных провокационных слухов. А между прочим, снабжать наш северо-восточный Уральский фронт газетами и брошюрами Петроград[а] и легко, и необходимо, но пока что налицо возмутительнейший пробел.

От Екатеринбурга до Челябинска железнодорожные мосты были при отступлении нами взорваны. Но движение вновь восстановлено, так как сделаны параллельные временные мосты, покоившиеся на штабелях шпал. Все мосты как Сибирской, так и Северо-Златоустовской [железнодорожной] и другие дороги охраняются чехами исключительно. Из Челябинска я поехал в Тюмень через Омск, что было очень трудно для меня, так как назвал раньше местом своей родины Минусинск, благодаря отдаленности этого города, чтобы затруднить в случае сомнения в моей личности наведение справок и предполагая проездом из Екатеринбурга на Омск соскочить по пути в Тюмени. Теперь пришлось выдумывать легенду о матери, живущей случайно в Тюмени. Так как в Омске меня хорошо почти все знают в лицо, я до Омска не доехал и пересел в Тюмень на Куломзино.

В Тюмень я приехал 11-го августа, сразу с поезда пошел за 30 верст в деревню, где жила моя семья, но семьи там не нашел. Никому не показываясь, кроме одного соседа, в доброжелательное отношение которого ко мне я верил, — я узнал, что семья уехала в Тюмень. Пришлось на другое утро, переночевав в лесу, вернуться в город, где меня почти все знали и мое появление было равносильно добровольной сдаче под расстрел. К счастью, очень раннее время, в которое я пришел в Тюмень (7 часов утра), когда все мужчины и все добровольные буржуазные сыщики еще спят и только хозяйки плетутся на базар, а главным образом, сильно измененная моя наружность (я был в старом солдатском грязном платье и с большой бородой, в каком виде никогда не бывал) помогли мне прокрасться совершенно незаметно в дом, где жила моя семья и за которым, как оказывается, велась слежка усиленная. Поэтому пришлось только дать распоряжение

^{xxv} Вероятно, имеется в виду мельница торгового дома «Н. И. Петров и Ф. И. Поляков».

^{xxvi} Имеется в виду Лев Давидович Троцкий (1879–1940), на тот момент — нарком иностранных дел РСФСР.

^{xxvii} Имеется в виду граф Вильгельм фон Мирбах (1871–1918), германский посол в Москве.

^{xxviii} Имеется в виду германский император Вильгельм II (1859–1941). Вступил на престол 15 июня 1888 г. После поражения в Первой мировой войне и Ноябрьской революции 1918 г. в Германии был вынужден отречься от престола и эмигрировать в Голландию. Скончался 4 июня 1941 г.

^{xxix} Так в документе.

семье немедленно готовиться к отъезду и распродавать все громоздкое. А затем я тотчас же улетучился и жил полторы сутки на постоялом дворе, притворяясь больным, чем даже разжалобил одного постояльца-мужика, который подал мне помимо моего желания полтинник «Христа ради».

13-го августа моя семья уже была готова к выезду и было куплено старенькое штатское платье и добыт один паспорт от одного знакомого на имя совершенно безобидного казанского мещанина с женой. Придя рано утром к семье и переодевшись в новый костюм, я уже возвратился в заправского мещанина и окраиной города пробрался к вокзалу. Сел в вагон к семье одновременно с третьим звонком и весь путь через Омск до Челябинска, а также возле Уфы провел очень нервно. И в Омске, и в Уфе меня знали в лицо многие. Но судьба меня сохранила. Ехать было трудно, так как я вез тещу, жену и троих детей, из которых младшему грудному было всего два месяца — он родился в Тюмени в мае. Сочинив новую легенду о том, что у меня в Арзамасе Нижегородской губернии свой домишко и небольшой кожевенный завод и что я пробираюсь на родину с семьей — с невероятными трудностями, а где и хитростью, удалось достать мне пропуск и билеты сначала до Самары, затем до Сызрани, далее до Коптевки^{xxx}. Везде и охрана, и коменданты — исключительно чехи. Помню, что в Самаре коменданты: Фиала и Шевчик.

Последний пункт, до которого ходили поезда, был Коптевка. Здесь комендант, чешский офицер, очень тщательно обыскал мой багаж, но, не найдя ничего, спросил лишь, «не жид ли я». Этот вопрос он задает всем, успокоившись, что я буржуй и православный, он отпустил меня с миром. Наняв лошадей, мы сделали 45 верст до станции Прасковья^{xxxI}, причем нигде ни сил, ни патрулей белогвардейских не встретил. За селом Ново-Спасским на окраине села Шелеметьево^{xxxII} я увидел первую заставу красноармейцев, и тяжелая гора скатилась с плеч. В Кузнецке я подробно рассказал все и открыл свою настоящую фамилию товарищу Зиновьеву, комиссару Пензенской дивизии. А 24-го сего августа приехал вместе с семьей через Москву благополучно в Петроград. Я привез с собой все сибирские и самарские газеты, которые по пути покупал, и думаю, что выдержки из них должны быть использованы в нашей советской прессе.

В заключение я добавлю еще кое-что, о чем приходилось слышать и беседовать во время своего вынужденного путешествия. Прежде всего — печальные новости о многих погибших тюменских товарищах. Всех фамилий точно никто не знает, но погибло смертью храбрых много героев. Погиб наш партийный товарищ Серов^{xxxIII}, товарищ председателя Тюменского губсовдепа, тот, который так энергично до самого конца направлял в Петроград вагоны с хлебом и [з] Ялutorовска. Он был в эти дни при красноармейском отряде. Когда последний был окружен, он был заколот вместе с другими красноармейцами. Их приканчивали беспощадно и кроваво. Вообще от рассказов очевидцев об этих белогвардейских расправах волосы становятся дыбом. Окруженных и безоружных заставляли самих рыть себе могилы, и все рыли. Говорят очевидцы, что один брюнет-красноармеец 24–25 лет поседел, пока рыл могилу. А затем все стойко умерли и были сброшены в свои могилы. Один красноармеец 40 лет из местных тюменских рабочих, вырыв себе могилу, стал просить на коленях сохранить ему жизнь. «Ради пяти моих маленьких детей сохраните мне жизнь» — умолял он. Казацкий офицер молча рассек ему голову шашкой.

Во время моей работы в Тюмени я все время обращал внимание товарищей на одного из комиссаров Красной армии, некоего Чурикова^{xxxIV}, который все время якшался с меньшевиками, сам

^{xxx} Коптевка — станция Сызранско-Вяземской железной дороги (ныне — станция Куйбышевской железной дороги), расположенная на линии Сызрань — Пенза.

^{xxxI} Имеется в виду станция Прасковьино Сызранско-Вяземской железной дороги (ныне — станция Куйбышевской железной дороги), расположенная на линии Сызрань — Пенза.

^{xxxII} Вероятно, имеется в виду село Голодяевка Сызранского уезда Симбирской губернии (ныне — село Садовое Новоспасского района Ульяновской области).

^{xxxIII} Имеется в виду большевик Иван Павлович Серов (1890–1918), петроградский рабочий активист, член исполкома Петровета. Весной 1918 г. на почве недоедания у него развилась цинга, и врачи запретили ему жить в Петрограде. Серов уехал в Тюмень, где занял должность председателя Тюменского губернского продовольственного комитета. 2 июня 1918 г. он был назначен членом чрезвычайного военно-оперативного штаба Тюменской губернии. После отступления красных из Тюмени вступил в РККА и был назначен комиссаром батальона. Погиб в бою под Камышловом в конце июля 1918 г.

^{xxxIV} Так в документе. Вероятно, имеется в виду прапорщик Авраам Чувиков. Из богатой крестьянской семьи. Участвовал в Первой мировой войне сперва в качестве рядового солдата, 10 февраля 1917 г. окончил 2-ю Омскую школу подготовленных прапорщиков пехоты и стал офицером. Весной 1918 г. Чувиков был назначен начальником штаба Красной армии

пускал по городу разные провокационные слухи и, называя себя человеком беспартийным, был во всяком случае человеком малонадежным. Он кончил, безусловно, печально. Его отряд тоже был окружен, по-видимому, помимо его воли. Тогда он смело подбежал к казацкому офицеру и стал его приветствовать как освободителя, говоря, что он меньшевик, что служил в Красной армии с целью предательства и что городские меньшевики могут за него поручиться. Казацкий офицер обещал на его просьбу сохранить ему жизнь, и когда его отряд был перебит, ему сказали, что он свободен. Он завернулся, чтобы уходить, но один из казаков ударил его шашкой сзади. Шашка скользнула по голове и резнула плечо. Чуриков обернулся и вскрикнул, закрыв лицо руками. Но следующими ударами шашки у него были отрублены пальцы и кисти рук и раскроен череп. Очевидцы говорят, что вместе с ним тут же погиб и товарищ Шелехов^{xxxv}.

В Екатеринбурге я слышал рассказ, как был убит военный комиссар Голощеков^{xxxvi}. Оказывается, он запоздал, отдавая последние распоряжения по эвакуации города, и выехал на автомобиле, но его шофер, местный екатеринбургский житель, оказался предателем и имел связь с белой гвардией, которой сообщил о маршруте Голощекова, посоветовав в 4 ½ верстах от города сделать засаду. В условном месте он остановил мотор, и Голощеков был схвачен и зверски убит. Шофер за это получил награду, а у Голощекова де нашли при себе три миллиона денег. Все это рассказывал чех.

Один из попутчиков, ехавший до Самары и пробиравшийся тоже в Советскую Россию, описывал картины расстрелов в Казани, которые он видел. Эти картины подтверждали другие очевидцы. Смертью храбрых пал товарищ Яков Шейнкман^{xxxvii}. Его схватили с чужим паспортом, и кто-то высказал подозрение, не сам ли Шейнкман ли это. Да, я Шейнкман, — сказал спокойно уважаемый и незабвенный товарищ. Он был расстрелян. Геройской смертью пала товарищ Б[р]ауде^{xxxviii}. Ее расстреляли «как гражданскую жену Шейнкмана»^{xxxix}. Приставив к крепостной стене на бульваре, ей хотели завязать глаза. «Я идейная коммунистка — выкрикнула она, — и смерти не боюсь. Стреляйте». Крикнула она и широко расправила грудь, подняв [и] раскинув руки. Чехи изрешетили пулями ее грудь.

Я интересовался судьбою своего младшего брата, тоже бывшего офицера, неоднократно раненого на фронте, который работал в рядах нашей партии и в Казанской следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией^{xl}. Мне передавал один очевидец, что он слышал об его аресте, но о дальнейшей судьбе не слышал.

Что касается до моей семьи в Тюмени, то ей пришлось тоже несколько поволноваться. Хотя она и жила в 30 верстах от города, на заимке возле водяной мельницы в лесу в стороне от тракта, однако в первый день занятия Тюмени туда примчался специально командированный за мною

в Тюмени. Согласно воспоминаниям корнета С. В. Маркова, Чувиков «был небольшого роста человек, крепкого и коренастого телосложения, гладко выбритый брюнет в офицерской форме без погон... Он произвел на меня впечатление человека очень решительного и, при условии большего образования, могущего сделаться блестящим организатором. В данный же момент он представлял собой самоучку из народа, революционной волной неожиданно для самого себя выброшенного на ответственный и самостоятельный пост, за который он судорожно вцепился» (Марков С. В. Указ. соч. С. 265). В июне 1918 г., после эвакуации в Тюмень омских большевиков, был отнесен от власти вместе с другими тюменцами. По сведениям историка А. А. Кононенко, А. Чувиков пытался организовать в городе выступление против омичей, но 9 июля 1918 г. заговор был раскрыт и омские большевики разоружили около 100 тюменских красноармейцев (Кононенко А. А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг. Тюмень, 2009. С. 84, 85). Сведения о гибели Чувиков летом 1918 г., приведенные в письме Тарасова-Родионова, не соответствуют действительности. На 20 июля 1919 г. прапорщик А. Чувиков состоял в войсках Мурманского района вооруженных сил Северной области, то есть служил в белой армии. Дальнейшая его судьба неизвестна.

^{xxxv} Предположительно, имеется в виду меньшевик Г. Шелехов, весной 1918 г. — редактор тюменской газеты «Рабочая жизнь» (Кононенко А. А. Указ. соч. С. 70).

^{xxxvi} Так в документе. Имеется в виду большевик Филипп Исаевич Голощекин (1876–1941), член президиума Уралоблсовета и Уральского обкома РКП(б), военный комиссар Уральского военного округа. Сведения о его поимке и расстреле белыми при взятии Екатеринбурга не соответствуют действительности.

^{xxxvii} Имеется в виду большевик Яков Семенович Шейнкман (1890–1918), председатель Казанского губисполкома и губкома РКП(б).

^{xxxviii} Вероятно, имеется в виду Вера Петровна Брауде (урожд. Булич) (1890–1961), заместитель председателя Казанской губЧК.

^{xxxix} На самом деле Я. С. Шейнкман был женат на Софии Альфредовне Яненц (1890–1981). А Вера Петровна Брауде была женой секретаря Казанского губернского Совета профсоюзов Самуила Максимовича Брауде (1886–1949). Обе женщины благополучно пережили взятие Казани белыми.

^{xl} Имеется в виду поручик Василий Игнатьевич Тарасов-Родионов, офицер военного времени, в годы Первой мировой войны служивший в 3-й роте 16-го Финляндского стрелкового полка.

грузовик с 25 казаками, одним казацким и одним чешским офицером. Им поручено было схватить «адъютанта Крыленко»^{XLII}, как меня почему-то величали. Тотчас из травы неожиданно кругом дома и в саду выросла стража, рассказывает моя жена, как неожиданно появились вечером подползшие бесшумно и оцепившие всю заимку белогвардейцы. В избенке перерыли все имущество, рылись на чердаке, по амбарам и подымали пол. Но жена заблаговременно успела сжечь все компрометирующее. Опричники укатили безрезультатно, оставив жену на свободе. Возможно, что от тюрьмы ее спас грудной ребенок и двое других детей, бывших на ее попечении. После этого обыска местные буржуи с заимки стали травить жену и детей и заставили ее перебраться в город.

Но все это не важные мелочи. А важно то, что пока теперь Сибирское правительство, как Вы увидите из привезенных мною газет, враждует с Самарским правительством, и каждое, в свою очередь, дуется на Дутова: пока, одним словом, согласия в стане наших врагов нет. Пока их силы напряжены до крайности и заняты еще ликвидацией советских отрядов внутри Сибири и пока еще не открыт к ним доступ американцам и японцам с Владивостока, пока у них еще не организована армия путем принудительного набора и потому более половины чехословацких войск несут караульную и патрульную службу по городам и железным дорогам — мы должны энергично и решительно, не теряя ни минуты, напрячь все наши силы, взять инициативу военных операций в свои руки и мощным сокрушающим ударом на Самару и Екатеринбург подрубить щупальцы спрута через Казань к Вологде. Казань же нужно пока тесно блокировать, а после успешного удара на Самару и Екатеринбург — Казань сама явится, как зрелый плод.

А главным образом решительность и быстрота, единство стратегических операций и элементарное соблюдение сторожевого охранения, связи и разведки — сейчас вопрос нашей жизни или смерти. А затем как можно больше наших советских популярных газет, вроде «Бедноты»^{XLIII} и «Красной Газеты»^{XLIII}, туда на фронт и как можно больше наших газет, вроде московских «Известий» и «Чешско-Советской газеты», туда на фронт — сбрасывать с города. Агитационная литература в гражданской классовой войне в тысячу раз полезнее всяких бомб. Почему же мы непростительно кустарничаем и спим?

В заключение необходимо отметить еще несколько мелких штрихов воскресшей буржуазной власти. На вокзалах Екатеринбурга, Тюмени и Омска мне пришлось встречать много офицеров, одевших погоны. Я видел оживших генералов, полковников, штабс-капитанов и подпоручиков. Многие из них щеголяют аксельбантами. Ударный казацкий батальон в Петропавловске тоже нацепил погоны, а на них наклеил трафареты мертвой головы. Вообще в Сибири командный состав воскресил старые порядки полностью, вплоть до битья в зубы. Я видел, как комендант станции Миасс, подпоручик, бил в зубы какого-то штатского. Публика безмолвствовала. Но погоны одели не все офицеры. Большая часть ходит все еще без погон, дожидаясь приказа, и ограничивается ношением на левом рукаве щитка с числом звездочек, указывающих степень чина. Эту моду взяли от чехов. Но козыряние процветает вовсю, у дверей салон-вагона военного министра Сибири Гришина-Алмазова^{XLIV} стоят парные часовые, отдающие честь по-ефрейторски.

^{XLII} Имеется в виду прапорщик Николай Васильевич Крыленко (1885–1938). Родился в семье чиновника. В 1909 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, в 1914 г. — юридический факультет Харьковского университета. С 1904 г. член РСДРП. Участник революции 1905–1907 гг. С 1911 г. — сотрудник газеты «Звезда». В 1913 г. работал в газете «Правда» и большевистской фракции IV Государственной думы. В 1914 г. эмигрировал, в 1915 г. — вернулся в Россию. В апреле 1916 г. направлен в действующую армию, прапорщик. После Февральской революции — председатель армейского Комитета 11-й армии Юго-Западного фронта. В Октябрьскую революцию — член Петроградского военно-революционного комитета, член ВЦИК. В первом составе СНК — член Комитета по военным и морским делам — нарком. В ноябре 1917 г. — марте 1918 г. — Верховный главнокомандующий. В феврале — марте 1918 г. — член Комитета революционной обороны Петербурга. С 1918 г. председатель Ревтрибунала, с 1919 г. — Верховного ревтрибунала при ВЦИК. В 1927–1934 гг. — член ЦКК ВКП(б). Член Президиума ВЦИК, член ЦИК СССР. С 1931 г. — нарком юстиции РСФСР, с 1936 г. — нарком юстиции СССР. В 1938 г. расстрелян.

^{XLIII} «Беднота» — советская ежедневная газета, ориентированная на крестьянскую аудиторию. Печатный орган ЦК ВКП(б). Издавалась в Москве с 27 марта 1918 г. по 31 января 1931 г.

^{XLIII} «Красная газета» — ежедневная советская газета. Печатный орган Ленсовета (Ленсовета). Издавалась в Петрограде (Ленинграде) с января 1918 г. по февраль 1939 г.

^{XLIV} Имеется в виду командующий Сибирской армией и управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства генерал-майор Алексей Николаевич Гришин-Алмазов (1880–1919).

Оказывается, масса офицерства скрывалась по деревням вокруг Тюмени, и с приходом чехов все эти гады вылезли из своих нор, нацепили погоны и ордена и фланируют по улицам Тюмени, руководя шпионажем и расстрелами. Видную [роль] играет в Тюмени французский офицер по фамилии, кажется, Мута^{xlv}. Я помню, что еще в начале июня он был арестован на тюменском вокзале по приказу товарища Шебалдина^{xlvi}. При аресте он признался, что он французский офицер, ранен под Верденом и приехал из Омска в Тюмень, так как не сочувствует чехам, а сочувствует большевикам. Шебалдин, кажется, поверил ему и, во всяком случае, быстро его освободил. Теперь эта гадина играет главную роль в Тюменском штабе и не скрывает, что ездил к нам с целью шпионажа, и что никто иной, как он, привез из Петрограда или Вологды от Французской миссии полтора миллиона рублей в Омск для передачи чехословакам.

Приехала в Тюмень и Брешко-Брешковская^{xlvii}. Эта выжившая из ума старуха брызжет слюной на митингах, ходит по улицам с кружечкой, собирая на белую гвардию. Между прочим, ей почему-то внезапно взбрело в голову, что Петроград в руках англичан. Она тотчас же, окруженная толпой, пошла на телеграф и послала в Петроград приветственную телеграмму союзникам, свергнувшим большевиков. На телеграфе улыбнулись, но телеграмму приняли.

В финансово-экономической политике Сибирское правительство [это] полное восстановление самодержавных полукрепостнических порядков. Даже продажа водки вновь пошла как в старину. Но водка отпускается по карточкам, по бутылке на душу, и расценивается в казенной продаже по 15 рублей 20 коп[еек] бутылка. В вольной продаже ее можно купить по 25–30 рублей бутылка. Белогвардейцы и чехи имеют покупательное преимущество.

На следующей станции за Челябинском в Полетаеве устроена таможня. Никто не имеет права провезти из Сибири более фунта масла и 5 фунтов муки. Сибирь объявила Самаре таможенную войну. Принудительные налоги белая гвардия накладывает произвольно и широко. Так, на буржуазию города Троицка белая гвардия наложила принудительный заем в 2 миллиона рублей. Буржуи смогли внести всего лишь 150 тысяч. В результате тридцать два видных местных торгово-промышленников (фамилии их были опубликованы) посажены в тюрьмы впредь до уплаты.

Вообще, даже буржуазия начинает поживать от приемов военной диктатуры, которая охватывает Сибирь. Собственник начинает жаловаться, что ничто не изменилось, ни поборы, ни контрибуции, ни реквизиции, только вместо Красной армии это делает теперь белая гвардия. Кстати, название это стало теперь в Сибири ругательным, и за него сажают на 4 месяца в тюрьму, так же как и за слово «товарищ», хотя в последнем случае заключение часто заменялось 50 ударами розог. Запрещено и слово «буржуй» под угрозой штрафа в 30 рублей. Белую гвардию приказано именовать впредь «Народной армией».

Один ехавший со мною в вагоне полковник, помещик из Уфы, служащий в Уфимском штабе, жалуется, что Самарское правительство очень нерешительно возвращает землю помещикам и заигрывает с большевиками. По его словам, в этих губерниях нужно ждать рецидива большевизма и только после вторичного подавления можно ожидать успокоения. На рекламы Самарского и Сибирского правительства о разрыве Брестского «позорища» и возобновления войны с Германией, по его словам, не следует смотреть серьезно, не надо забывать, сказал он, что власть сейчас фактически в руках кадетов, а они реальные политики и понимают, что Россия воевать фактически не может, да [и] германская ориентация среди кадетов очень сильна. Но миф о новой войне с Германией нужен для того, чтобы получить финансовую и военную помощь от союзников, которые без этого не особенно охотно ее давали, а затем это импульс для чехословаков. Без этой

^{xlv} Возможно, автор перепутал фамилию французского офицера с фамилией японского генерала Нобуёси Мута (1868–1933), возглавлявшего Японскую военную миссию в Сибири в 1918–1919 гг. О миссии генерала Н. Мута писали в антибольшевистских газетах.

^{xlvi} Имеется в виду Владимир Иванович Шебалдин (1893–1963). Из семьи рабочих. Член РСДРП(б) с 1916 г. В декабре 1917 г. избран членом президиума Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. 9 марта 1918 г. назначен Омским Советом депутатов комендантом отдела по охране революции — органа, выполнявшего функции ЧК. После эвакуации из Омска прибыл вместе с другими омскими партийными и советскими деятелями в Тюмень. В июне — июле 1918 г. — комендант Тюмени по охране революции.

^{xlvii} Имеется в виду член партии эсеров Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844–1934), за заслуги в революционном движении получившая прозвище «бабушка русской революции».

легенды чехи драться не стали бы. Полковник цинично удивлялся глупости французов и чехов. Разве они не знают, — восклицал он, что Краснов^{xlviii} и германские коменданты на Дону охотно пропускают к нам съезжающихся русских офицеров, стремящихся в Сибирь с России и Украины. Легенда о том, что в рядах Красной армии почти исключительно сражаются немцы, сочинена для той же цели и поддерживается официально.

С товарищеским приветом,
А. Тарасов-Родионов
27-го августа 1918 года

РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 306. Л. 1-27. Копия. Машинопись.

1) Здесь и далее в документе подчеркнуто на пишущей машинке. Вероятно, в оригинале письма было подчеркнуто автором.

2) Исправлено. Здесь и далее в документе ошибочно: *Елым*.

References

Filipp Mironov: Tikhyy Don v 1917–1921 gg. Dokumenty i materialy [Philip Mironov: The Silent Don in 1917–1921. Documents and Materials]. Moscow: Mezhdunarodnyy fond “Demokratiya” Publ., 1997. (In Russian).

Ganin A. V. [The First Year of Soviet Military Intelligence]. *Voyenno-istoricheskiy arkhiv* [Military-Historical Archive], 2011, no. 1 (133), pp. 174–191. (In Russian).

Kononenko A. A. *Tyumen' na pereput'ye: vlast' i obshchestvo v 1917–1921 gg.* [Tyumen at a Crossroads: Power and Society in 1917–1921]. Tyumen: TyumGU Publ., 2009. (In Russian).

Markov S. V. *Pokinutaya Tsarskaya sem'ya. 1917–1918: Tsarskoye Selo — Tobol'sk — Ekaterinburg* [Abandoned Royal Family. 1917–1918: Tsarskoe Selo — Tobolsk — Ekaterinburg]. Vienna: Amalthea Publ., 1928. (In Russian).

Melgunov S. P. *Sud'ba imperatora Nikolaya II posle otrecheniya* [The Fate of Emperor Nicholas II after Abdication]. New York: Telex Publ., 1991. (In Russian).

Roshchevsky P. I. *Grazhdanskaya voyna v Zaural'ye* [Civil War in the Trans-Urals]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1966. (In Russian).

Tarasov K. A. [A. I. Tarasov-Rodionov — a Person Involved in the “Tsar’s Case”?]. *Imperatorskaya sem'ya i yeye okruzheniye. 1917–1919. Sbornik materialov nauch. konf. 13–14 sentyabrya 2018 g.* [The Imperial Family and Its Entourage. 1917–1919. Collection of Materials of the Sci. Conf. September 13–14, 2018]. Saint Petersburg: GMI SPb. Publ., 2019, pp. 86–96. (In Russian).

Zakharchenko N. M. *Aleksandr Ignat'yevich Tarasov-Rodionov (stranitsy biografii)* [Alexander Ignatievich Tarasov-Rodionov (Biography Pages)]. Moscow: Probel-2000 Publ., 2012. (In Russian).

---

^{xlviii} Имеется в виду генерал Петр Николаевич Краснов (1869–1947), атаман войска Донского. Родился 10 сентября 1869 г. в г. Санкт-Петербурге в дворянской семье. В 1888 г. окончил Павловское военное училище. На службе в русской армии. Во время Русско-Японской войны работал военным корреспондентом. В 1909 г. окончил Офицерскую кавалерийскую школу. Участник Первой мировой войны. С ноября 1914 г. — командир 1-й бригады 1-й Донской казачьей дивизии, с мая 1915 г. — командир 3-й бригады Кавказской туземной конной дивизии, с июля 1915 г. — начальник 3-й Донской казачьей дивизии, с 16 сентября 1915 г. — начальник 2-й Сводной казачьей дивизии. С июня 1917 г. — начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии, с августа 1917 г. — командир 3-го конного корпуса. Во время Октябрьской революции по приказу А. Ф. Керенского выступил со своим корпусом на Петроград, но потерпел поражение и был арестован. В ноябре 1917 г. уехал из Петрограда на Дон. Участник Гражданской войны на Юге России. 16 мая 1918 г. избран атаманом войска Донского. 15 февраля 1919 г. из-за конфликта с А. И. Деникиным и поражений на фронте был вынужден уйти в отставку. С 1920 г. — в эмиграции в Германии. Зарабатывал литературным трудом. В годы Второй мировой войны стал коллаборационистом и сотрудничал с нацистами. Казнен 16 января 1947 г. в Москве по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Не реабилитирован.

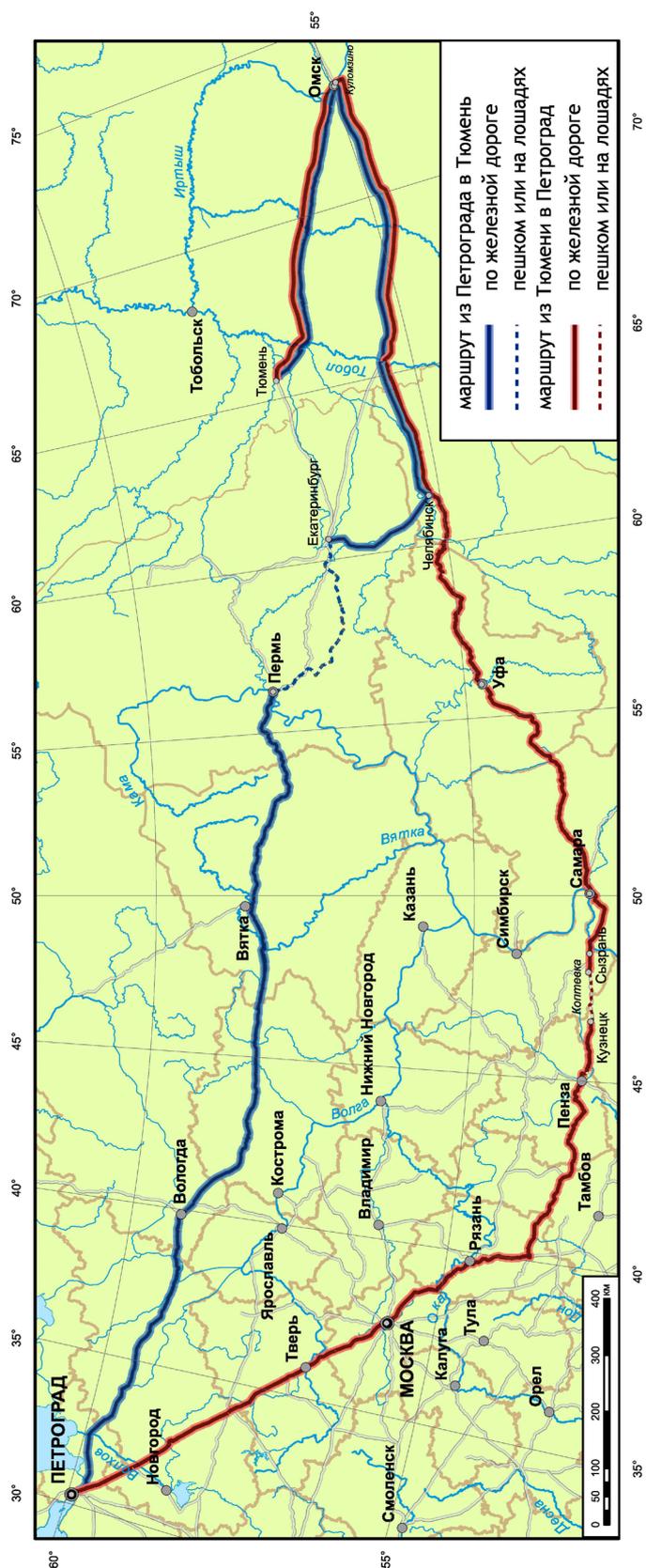

Рис. 11. Карта-схема путешествия А. И. Тарасова-Родионова из Петрограда в Тюмень и обратно (27 июля — 24 августа 1918 г.)